

УДК 94 (4) «1945/2012»

Жиряков И.Г., Барабанов М.В.

*Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЖИДАНИЯ
ОТ «ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ» ТРАНСФОРМАЦИИ
В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ
(90-е ГОДЫ XX – НАЧАЛО XXI ВВ.)**

I. Zhiryakhov, M. Barabanov

Moscow State Humanitarian University named after M. Sholokhov

**SOCIO-ECONOMIC EXPECTATION FROM THE “POST-COMMUNIST”
TRANSFORMATION IN THE COUNTRIES OF EASTERN EUROPE AND ITS
IMPLEMENTATION (THE 90-S OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURIES)**

Аннотация. В настоящей статье речь идет о «посткоммунистической» модернизации в бывших социалистических странах Восточной Европы, радикальных рыночных экономических преобразованиях, реформах в социальной сфере. Научное исследование социально-экономических преобразований в странах Восточной Европы связывается с конкретными результатами. Авторы предлагают комплексное понимание «посткоммунистической» модернизации, включающее прогресс во всех основных областях жизни людей, и, прежде всего, в социальной сфере; ставится вопрос о социальной цене «посткоммунистических» реформ.

Ключевые слова: Восточная Европа, «бархатные» революции, «посткоммунистическая» трансформация, рыночные реформы, «шоковая терапия», нелиберальная концепция развития экономики, ВНП и ВВП, политическая партия, экономическая политика, социальная политика, концепция рыночного реформирования социальной среды, показатели реформирования социальной сферы.

Abstract. The article is about the post-communist modernization in the former socialist countries of Eastern Europe, the radical free-market economic reforms and reforms in the social sphere. The scientific study of the socio-economic transformations in the countries of Eastern Europe is linked with concrete results. The authors offer a comprehensive understanding of the post-communist modernization, including progress in all key areas of people's life, and first of all in the social sphere. The article raises the question of the social value of the post-communist reforms.

Key words: Eastern Europe, “velvet” revolutions, “post-communist” transformation, market-style reforms, “shock therapy”, neoliberal concept of economy development, GNP and GDP, political party, economic policy, social policy, the concept of market-style reforming of social environment, the indicator of reforms in social sphere.

Как известно, после «бархатных» и «нежных» революций в бывших социалистических странах Восточной Европы начался этап «посткоммунистической» модернизации, радикальных рыночных экономических преобразований, реформ в социальной сфере. Каковы их результаты? К чему они привели?

Авторы настоящей статьи категорически не согласны с теми исследователями, которые считают, что нельзя судить об итогах «посткоммунистической» трансформации с точки зрения якобы «формального баланса потерь и приобретений» или соотношения «проигравших» и «выигравших» от проведения реформ. Гораздо важнее, как полагают они, оценка социально-исторического смысла произошедших изменений.

По нашему мнению, научное исследование социально-экономических преобразований в

странах Восточной Европы следует связывать с конкретными результатами, необходимо комплексное понимание «посткоммунистической» модернизации, включающее прогресс во всех основных областях жизни людей, и, прежде всего, в социальной сфере. Следует ставить вопрос о цене «посткоммунистических» реформ. Кстати, в Польше в ходе одного социологического опроса, проведенного в начале 2000-х гг., выяснилось, что почти половина опрошенных считали демократию полезной, только если она ведет к росту благосостояния, материальному изобилию, и всего 18% – если она предоставляет гражданам свободу [8, с. 90-93].

Российские неолiberaлы сложили множество мифов о трансформации в странах Восточной Европы, выдавая за аксиомы то, что на самом деле имеет мало общего с фактическим положением дел. Один из таких мифов, как пишет отечественный автор З. Кузнецова, гласит, что рыночные реформы в восточноевропейских странах «пошли» благодаря проведенной жесткой «шоковой терапии» [10, с. 79].

На самом деле, трансформационные экономические преобразования проходили быстрее и менее «болезненно» в тех странах, где на практике реализовывался выгодно отличавшийся от классической «шоковой терапии» более мягкий вариант реформы, предусматривавший антиинфляционное вхождение в рынок с более умеренными социальными издержками.

С одной стороны, нельзя не замечать определенных успехов в либерализации экономики восточноевропейских стран, рост экономических показателей в период «посткоммунистических» преобразований. Анализ итогов экономического развития стран в рассматриваемые годы приводит к выводу, что этап системной трансформации пройден ими в целом успешно, утверждают некоторые наши исследователи. Участники «Круглого стола» в журнале «Новая и новейшая история» говорили том, что к середине 1990-х гг. постсоциалистические страны преодолели спад производства, последовавший за кол-

лапсом административно-плановой системы, а к началу 2000-х гг. восстановили дореформенный объем валового продукта [13, с. 6].

С другой стороны, как утверждает Н.В. Коровицина, «хотя процесс либеральной трансформации можно считать состоявшимся, общества восточноевропейского типа нельзя отнести к классическому рыночному образцу [9, с.105].

К концу 90-х гг. в ряде государств (Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия) был достигнут относительно устойчивый экономический рост, хотя и по отношению к низкому уровню периода спада, пишет исследователь Л. Дегтярь. В остальных же государствах региона (Болгария, Румыния) до конца 90-х гг. все еще не удалось преодолеть резко усилившуюся в переходный период тенденцию к дальнейшему вытеснению этих стран на периферию мирового хозяйства [5, с. 130].

Такая же примерно оценка содержится и в работах некоторых европейских авторов. Они пишут, что после начала реформ почти все посткоммунистические страны пережили резкое падение ВВП, производства и занятости. Даже «трансформационно успешные» страны пострадали от падения ВВП, по глубине сопоставимого с Великой депрессией, утверждают К. Миллер и А. Пикель [11, с. 67-82].

В начале 2000-х гг. экономическая ситуация изменяется в положительную сторону. В эти годы в большинстве стран улучшились структурные и качественные характеристики экономики. Ускорился рост промышленного производства, а в Чешской Республике, Словакии и Польше оно стало расти даже быстрее ВВП. Сворачиваются ресурсоемкие производства с низким уровнем технологий и расширяются мощности по производству более сложной продукции с большей добавленной стоимостью. Польша и Словения даже превзошли тогда по ее доле в валовой продукции обрабатывающей промышленности средний уровень ЕС.

Эффективность экономики повысилась, утверждали отечественные специалисты, так

как увеличение ВВП происходил в основном за счет роста производительности труда. Но признавали при этом, что по ее уровню страны ВЕ еще уступали ЕС-15 почти в два раза [13, с. 6-7].

По данным на 2003 г., отношение ВВП на душу населения к среднему уровню по 15 государствам ЕС составило по паритету покупательной способности валют: в Венгрии – 55%, Польше – 42%, Словакии – 50%, Словении – 70%, Чехии – 59% (в Болгарии и Румынии – не выше 28%) [16, с.199].

Наши ученые, занимающиеся проблемами постсоциалистических стран Восточной Европы, весьма высоко оценивают экономические успехи этих стран. На наш взгляд, эти оценки явно завышенные. Данные о темпах роста, бюджетные балансы, величина частного сектора, безусловно, ценные индикаторы, но они недостаточны для оценки состояния трансформационного процесса, считают упомянутые европейские специалисты К. Миллер и А. Пикель [11, с. 67-82]. Скажем яснее: общее улучшение экономических показателей в «постсоциалистических» странах Восточной Европы мало сказалось на социальном положении простых людей.

Любая политическая партия в восточноевропейских странах, придя к власти, давала обещания улучшить жизнь людей. Предвыборные программы практически всех партий включали в себя разделы, в которых затрагивались острейшие социальные проблемы, замечает отечественный исследователь М.В. Горбаченко [3, с. 341-382]. И что же, в результате их правления, проведения ими трансформационных реформ получилось?

Социальная цена рыночной трансформации везде оказалась существенно выше, чем предполагали ее инициаторы. К концу 90-х гг. резко снизился средний уровень реальных доходов населения и одновременно увеличилось неравенство в их распределении.

В то время как только пятая часть населения бывшего социалистического лагеря улучшила жизненный стандарт, почти треть превратилась в слой «новых бедных». По данным исследования ООН, на начало 2000-х гг.

147 млн. человек имели здесь доход меньше 4 долл. в день, тогда как в конце 80-х гг. к этой категории относилось лишь 14 млн. человек [12, с. 3].

Авторы коллективного монографического исследования «Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века» осторожно признают, что в начале системной трансформации разработанной концепции рыночного реформирования социальной среды в восточноевропейских странах не было [17, с. 263].

И.С. Синицина также считает, что, в отличие от сферы экономики и отношений собственности, на начальном этапе системной трансформации не существовало разработанной концепции рыночного реформирования социальной сферы. Но тем не менее она полагает, что системная трансформация в странах ВЕ не сопровождалась якобы уходом государства из социальной сферы и в большинстве стран не была связана с ослаблением системы социальной поддержки населения. Доля социальных расходов в ВВП практически во всех странах региона заметно возросла, утверждает И.С. Синицина, и в течение всего периода трансформации в большинстве стран региона формировалась на относительно стабильном уровне как в соотношении с ВВП, так и в общем объеме бюджетных расходов [13, с. 8].

Другие исследователи категорически не согласны с этими утверждениями. Если это было бы так, то в 90-е гг. XX в. в странах региона не произошло бы обострения социальных проблем. Уже на начальном этапе экономической трансформации национальный доход на душу населения еще более снизился, хотя первыми вступившие в ЕС страны (Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия) имели достаточно высокий стартовый уровень социально-экономических реформ.

За обвал «реального социализма» и довольно болезненный перевод на рыночные основы, связанный с разрушением прежней малоэффективной административно-командной системы и заменой ее новой, основанной на совершенно иной хозяйственной логике рыночной системы, население пла-

тило высокую социальную цену, переживая девальвацию общественных и индивидуальных ценностей, подрыв убеждений, потерю ориентиров, социальную и экономическую незащищенность [2, с. 11].

Во всех восточноевропейских странах в подходе к преобразованию экономики сформировались два основных направления: первое было нацелено на создание социально-ориентированной рыночной экономики, а второе имело ориентиром экономическую систему либерального типа [14, с. 102].

При выборе рядом стран региона неоллиберальной концепции развития форсировалась модель преобладания частного сектора в структуре экономики и ограничения общественного сектора только некоторыми ее отраслями. Глубокая экономическая рецессия, лимитирующие социальные расходы, внешние долги и коррупция ограничили бюджетное финансирование социальных программ и стали причиной социальных трудностей, пишет известный специалист по странам Восточной Европы И.С. Яжборовская [19, с. 73-74].

Массовая потеря работы началась уже в первые годы рыночных преобразований, когда было остановлено множество различных предприятий, в том числе градообразующих. Закрывались сельскохозяйственные кооперативы, проводились сокращения в органах государственного управления. Безработицу подхлестнули сопровождающаяся увольнением работников приватизация государственных предприятий, где к тому времени существовал большой скрытый избыток рабочей силы, низкая эластичность рынка труда, несоответствие предложения и спроса на рабочую силу по профессиям и квалификации. Относительно низок ее уровень был только в Чехии. Однако и здесь она росла в связи с продолжением реструктуризации экономики – при относительно невысокой цене социальных затрат затянутого и несколько деформированного процесса преобразований.

Динамика уровня безработицы в регионе с середины первого десятилетия трансформации составляла, если сравнить средние по-

казатели 1995 и 2003 г.: в Венгрии – 11.7 и 6%, в Чехии – 2.9 и 10%, в Словении – 14.5 и 11%, в Румынии – 9.5 и 11%, в Болгарии – 11.1 и 14%, в Словакии – 13.1 и 17.9% [15, с. 284].

Если Лиссабонская Повестка дня ЕС (март 2005 г.) ориентировала на занятость 70% населения, то даже в относительно благополучной Венгрии работу имели тогда только 57% населения в возрасте 15-65 лет. Молодежь поздно входила в трудовой возраст, редко совмещала обучение с работой, вынуждена была много месяцев искать работу и соглашаться на низкие ставки [19, с. 76].

Социальная сфера все более задвигалась на задний план, схема социального обеспечения становилась менее эффективной, хотя была призвана взять на себя предотвращение угрозы для проведения перемен в области внедрения рыночной экономики и демократизации общества [4, с. 323-327].

Резко сократилось государственное финансирование высшего, среднего и среднего специального образования. Развитию высшего образования в этой ситуации способствовал растущий спрос динамично развивающейся экономики на специалистов, который удовлетворяется за счет рыночного спроса населения на данный вид услуг. Кстати, выпускников гуманитарных специальностей поразила более мощная безработица. Ситуация в особенно успешно реформируемых странах Вышеградской четверки позволяла государственным структурам тратить на образование более 5% ВВП, а на здравоохранение более всего расходовала Чехия – 6% [2, с. 14].

Социальные расходы государства, уровень социального обеспечения и качество жизни населения – жилищные условия, уровень медицинского обслуживания, продолжительность жизни, качество и доступность образования – повсеместно и существенно снизились, хотя и в различной степени.

Независимо от того, какими темпами шли преобразования, показатель реформирования социальной политики оставался более низким, чем показатели реформирования экономики. Падение жизненного уровня и рост безработицы стали повсеместными.

В большинстве стран доля социальных выплат (кроме пенсий) сократилась (особенно в образовании и здравоохранении) в два и более раза. Некоторое повышение доли пенсий в социальных выплатах было связано со старением населения, увеличением численности пенсионеров из-за сокращения возможностей трудоустройства для пожилого населения.

Отличительными чертами новой общественной системы явилась поляризация доходов и появление жесткой социально-имущественной иерархии [9, с. 98]. Из-за огромного роста социального неравенства реальные доходы более уязвимой части населения (80%) оказались сокращены приблизительно наполовину [19, с. 76]. Оказавшиеся за чертой бедности многие люди вынуждены были исходить из абсолютного приоритета материальных потребностей и сфокусировать все свои жизненные интересы на проблемах выживания.

В ситуации так называемого «избыточного неравенства», когда общество не может обеспечить приемлемый уровень жизни нуждающимся в социальной поддержке группам населения, такие люди, будучи не защищенными от духовного и даже физического вырождения, лишаются пассионарности и практически не способны к сколько-нибудь эффективной защите своих элементарных интересов, пишут А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута. Пассивность таких людей, продолжают рассуждать упомянутые авторы, показывает, насколько нищета парализует волю человека; опускаясь ниже черты бедности, он деградирует. Спад за границу бедности, делают вывод А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута – это выходящая далеко за рамки экономики социальная катастрофа, грозящая политической нестабильностью [18, с. 67; 6, с. 175-177].

Если разрыв доходов между отдельными социальными группами в начальный период реформ составлял 2,5-3 раза между 10% самых богатых и 10% самых бедных, то в первые годы нового века он увеличился в вошедших в ЕС странах до 4-5 раз, а в некоторых балканских государствах – до 10 раз. В извест-

ной мере это было следствием избавления от «уравниловки», стимулирования роста качества труда и развития предпринимательства. Но только не допустившие столь резкой дифференциации по уровню доходов некоторые страны Центрально-Восточной Европы сумели предотвратить критическое разрастание зоны бедности. В результате в Чехии и Словении, к примеру, оказалось всего 1% бедных [15, с. 283-288].

Повсеместно признано, что обеспечить социальное развитие общества без эффективного государства невозможно, однако формы и методы такого участия меняются, при этом, как правило, доля такого участия уменьшается. Но в любом случае, как считают специалисты по проблемам системной трансформации С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова, государство не должно полностью уклоняться от социальной ответственности за граждан, проводить курс на самостоятельное выживание малообеспеченных и менее устойчивых слоев населения, минимизировать социальные гарантии помощи беднейшим слоям [2, с. 16].

Как подчеркивает Ю.К. Князев, научно формируемая социальная политика государства призвана базироваться на комплексном многофакторном анализе и сопоставлении всех плюсов и минусов не только в настоящий момент и не только для населения и его отдельных слоев, но для общества в целом [7, с. 116]. Эта социальная политика должна включать весь комплекс мер по оздоровлению социально-экономической сферы и повышению благосостояния людей и всего общества как в настоящем, так и в будущем.

Итак, системная трансформация в регионе оказалась оплачена очень высокой социальной ценой – утратой значительной части достижений в социальной сфере, потерей ощущения стабильности и социальной защищенности.

По сравнению со средним стандартом Евросоюза наиболее высокий в регионе доход на душу населения был в Словении – 68%, в Польше – всего 37%, в Болгарии и Румынии – менее 30% [19, с. 78].

В новых членах ЕС масштабы абсолютной бедности (международная граница доходов в размере 2,15 долл. в день, рассчитанная по паритету покупательной способности – ППС) первоначально возросли с 1,1% населения в 1990 г. до 7,3% в 1996 г. Особенно значительным было расширение бедности в Польше и Румынии [13, с. 9].

В начале 2000-х гг. положение в экономике многих восточноевропейских стран улучшилось. К примеру, в Польше в 2003 г. был достигнут экономический рост на уровне 3%. Но население этого роста не ощутило. В то время «среднестатистический поляк» был в 2,5 раза беднее, чем его «аналог» в ЕС. Уровень благосостояния был в Польше в 2 раза ниже, чем в самых бедных странах ЕС – Португалии и Греции [1, с. 130].

Многие исследователи утверждают, что падение жизненного уровня, ухудшение социального положения – непереносимое следствие масштабных трансформационных процессов и преобразований. И избежать этого невозможно.

Вряд ли стоит оспаривать это утверждение. Но возникает вопрос: всё ли необходимое сделали правящие партии и элиты, сменившие коммунистов, чтобы смягчить социальный удар? На наш взгляд, ответ очевиден – далеко не всё.

С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова видят в качестве важнейшей основы решения социальных проблем «дальнейшее углубление демократии с ее идеей партнерства и участия», диалог со всеми заинтересованными силами, «прежде всего неправительственными организациями, а также социальными партнерами», при продвижении государством демократических ценностей [2, с. 16]. Трудно себе представить, как должно реализовываться это предложение.

Завершая рассуждения о социально-экономической деятельности правительств восточноевропейских стран, можно сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на, в целом, некоторые позитивные результаты в экономических трансформационных преобразованиях, все-таки не оправдались надеж-

ды на преодоление значительного разрыва между Востоком и Западом Европы в экономическом отношении. Во-вторых, окончательно рухнуло повсеместно бытовавшее в начальной стадии общей либерализации наивное представление о том, что рыночные реформы непременно принесут всем материальные блага и экономические свободы. В-третьих, негативные социальные последствия рыночной трансформации во всех восточноевропейских странах оказались более масштабными, чем предполагали инициаторы этой трансформации.

Системная трансформация оказалась оплачена очень высокой социальной ценой. По нашему мнению, решающее влияние на неутешительные результаты социально-экономических перемен оказывало понимание трансформационных задач, способы их реализации. Нельзя не согласиться с упомянутым исследователем М.В. Горбаченко, который считает, что у власть предержащих, независимо от того, чьи корни были у этой власти – либеральные или социал-демократические – не было политической воли решать социальные задачи [3, с. 381].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Восточная Европа в начале XXI века: сборник обзоров и рефератов. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – 229 с.
2. Глинкина С.П., Чубарова Т.В. Системная трансформация и социальная цена реформ// Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). – М.: РАН, Институт экономических и политических исследований, 2005. – С. 13-21.
3. Горбаченко М.В. Становление и развитие партий и партийных систем в странах Восточной Европы в контексте «посткоммунистической» трансформации: анализ исторического опыта. Дисс... канд. ист. наук. – М., 2011. – 443 с.
4. Григорьева Н.С. Социальные потребности и социальная политика: роль международных организаций в реформе социальной сферы стран с переходной экономикой// Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). – М.: Институт экономики РАН, 2006. – С. 323-327.
5. Дегтярь Л. Социальные аспекты постсоциалистической трансформации в странах Централь-

- ной и Восточной Европы// Общество и экономика. – 2000. – № 8. – С. 130-157.
6. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. – М.: Наука, 2005. – 519 с.
  7. Князев Ю.К. Социальная рыночная экономика – конечная цель рыночных реформ в постсоциалистических странах // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). – М.: РАН, Институт экономических и политических исследований. 2005. – С. 158-170.
  8. Коровицина Н.В. С Россией и без неё. Восточно-европейский путь развития. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2003 г. – 288 с.
  9. Коровицина Н.В. Завершение строительства «основ капитализма» в постсоциалистическом обществе // Славяноведение. – 2002. – № 1. – С. 96-106.
  10. Кузнецова З. Чехия: 15 лет «бархатной революции». Промежуточные итоги // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 12. – С. 75-87.
  11. Миллер К., Пикель А. Смена парадигм посткоммунистической трансформации//Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 67-72.
  12. Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 5. /”КРУГЛЫЙ СТОЛ» Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки. – С. 3-14.
  13. Новая и новейшая история, - 2009. – № 6 // “КРУГЛЫЙ СТОЛ” Восточная Европа: двадцать лет спустя. – С. 3-31.
  14. Новая и новейшая история, - 2000. – № 2 // “КРУГЛЫЙ СТОЛ” Демократические революции в Центральной и Восточной Европе десять лет спустя. – С. 90-105.
  15. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. – М.: ИМЭПИ РАН, 2004. – 383 с.
  16. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI в. В 2-х т. Т. I. Преобразования. – М.:Наука, 2005. – 357 с.
  17. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. В 3 т. Т. 3. Трансформация 90-х годов. – Ч. 1. – М.: Наука, 2002. – 461 с.
  18. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. – М.: Лето, 2002. – 320 с.
  19. Яжборовская И.С. Современная Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа: проблемы социального положения и социальной политики// Славяноведение. – 2009. – № 1. – С. 73-87.